

УДК 93/94(470.65)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.10>С. А. Хубурова,
Э. В. Хубурова

НАСЕЛЕНИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ: МЕЖДУ СЕЛОМ И ГОРОДОМ¹

В статье осуществлена постановка проблемы претворения на практике основных направлений политики государства, которая получила позже название «советский проект». Эта тема в региональной историографии еще не получила своего развития. Наряду с несомненными успехами общесоюзной политики на Северном Кавказе следует отметить и тот неоспоримый факт, что нивелирование традиционной специфики региона приводило к торможению некоторых планов советской власти, имелись не те результаты, на которые рассчитывала центральная власть.

Статья написана в русле нового направления в отечественной историографии – исторической антропологии. В региональных исследованиях история малых городов не стала еще объектом междисциплинарного анализа, хотя она является фронтовой темой, требующей совместных усилий историков, политологов, социологов, специалистов других гуманитарных наук. Объектом изучения стало население малых городов Северной Осетии, которое директивным методом из сельских жителей превращались в горожан. Одним из важнейших направлений стало формирование городских поселений путем слияния нескольких перспективных сел и образование города. Города специализировались на тех отраслях производства, которые были обеспечены местным сырьем.

При этом не учитывались традиционные формы общежития, ведения хозяйства. Создание градообразующих предприятий расширило трудовые возможности «новых горожан», которые перенимали неизвестные для себя профессии и отдалялись со временем от сельского хозяйства. На основе корпуса разнородных документов предпринята попытка изучить складывание ментальности новых городских жителей, вчерашних колхозников.

Изучение вопроса показало, что в малых городах уживались традиционные и городские формы общежития, культуры и ментальности, что представляло своеобразие в процессе развития городской среды.

Исследование особенностей социокультурного, экономического, психологического становления «новых горожан» позволяет восполнить проблемы в изучении важного научного направления «городская история».

Ключевые слова: город, трансформация, население, градообразующие предприятия, культура, миграции.

Для цитирования: Хубурова С. А., Хубурова Э. В. Население малых городов Северной Осетии: между селом и городом // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 87–95. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.10

Светлана А. Хубурова,
Эда В. Хубурова

POPULATION OF SMALL TOWNS OF NORTH OSSETIA: BETWEEN THE VILLAGE AND THE CITY¹

The article presents the problem of putting into practice the main directions of state policy, which was later called the «Soviet project». Along with the undoubtedly successes of the all-Union policy in the North Caucasus, it should also be noted that the leveling of the traditional specifics of the region led to the inhibition of some plans of the Soviet government, there were not the results that the central government hoped for.

The article is written in line with a new trend in Russian historiography - historical anthropology. In regional studies, the history of small towns has not yet become an object of interdisciplinary analysis, although it is a frontier topic that requires the joint efforts of historians, political scientists, sociologists, and specialists in other humanities. The object of the study was the population of small towns in North Ossetia, which by a directive method turned from rural residents into townspeople. One of the most important directions was the formation of urban settlements by merging several promising villages and the formation of a city. Cities specialized in those industries that were provided with local raw materials.

At the same time, traditional forms of dormitories and farming were not taken into account. The creation of city-forming enterprises expanded the labor opportunities of «new citizens» who adopted professions unknown to themselves and moved away from agriculture over time. On the basis of a corpus of heterogeneous documents, an attempt has been made to study the folding mentality of new urban residents, yesterday's collective farmers.

The study of the issue showed that traditional and urban forms of dormitories, cultures and mentalities coexisted in small towns, which represented a peculiarity in the process of urban environment development.

The study of the features of the socio-cultural, economic, psychological formation of «new citizens» makes it possible to fill in the problems in the study of an important scientific direction «urban history».

Key words: city, transformation, population, city-forming enterprises, culture, migration.

For citation: Khubulova S., Khubulova E. Population of small towns of North Ossetia: between the village and the city // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 87–95. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.10

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российской фондом фундаментальных исследований проекта 21-09-43008 СССР.
The publication was prepared within the framework of project 21-09-43008 USSR supported by the Russian Foundation for Basic Research.

В современной историографии проблеме формирования городской ментальности уделяется внимание специалистами из разных наук: социологии, социальной психологии, истории, этнологии и др. Такая полидисциплинарность темы связана с кругом вопросов, которые рассматриваются в науке: групповое сознание, формирование образа города, свое место в этом городе, профессиональные возможности, культурный ландшафт и т. д. [1; 31]. В основе всех перечисленных направлений лежит изучение ментальности городских жителей [8; 9; 19; 25; 29].

Цель статьи – изучить основные тенденции складывания ментальности новых горожан Северной Осетии, проживающих в созданных в советские годы малых городах.

Обращение к этой теме связано с необходимостью реконструировать процессы постепенного перехода от традиционного к современному виду ментальности. С другой стороны, поведение и поступки «молчаливого большинства» невозможно объяснить лишь с позиции социально-экономической и политической выгоды. Все чаще исследователи оперируют методами социальной психологии и теории ментальностей, которые лежат в основе поведенческих парадигм групп, индивидов.

В отношении термина «городская ментальность» существует много объяснений, но мы придерживаемся определения, данного Т. В. Ивановой: «Городская ментальность – это групповое сознание, ограниченное историческим временем и географическим пространством, в качестве которого выступает современный город» [13, с.9].

В историографии начало изучения социально-психологических и ментальных особенностей связывают с творчеством Кевина Линча [21], который провел глубокие исследования географического, психологического свойства, что позволило ему указать на ряд специфических качеств жителей городов разных регионов мира. Он выявил, что город – это такой феномен, который является творчеством и взаимодействием большого социума. Он также считает, что в исследовании городской жизни необходимо использовать так называемые «ментальные карты», характеристику ландшафта, «ощущаемой среды», которые проявляют свою роль в общении горожан данного поселения [10].

М. Хайдмес установил, что в большом городе теряется традиционность, жители утрачивают чувство «своей» улицы, соседства [18, с. 169]. Он также проанализировал влияние пространственных данных на виды общения.

В отечественной историографии А. Я. Гуревичем была предложена оригинальная методика, позволяющая выделить некоторые категории, в конечном счете оказывающие влияние на формирование мировосприятия человека – власть, семья, имущество, религиозные взгляды [7]. Ка-

саемо нашей темы, следует указать на тот факт, что город представляет достаточно замкнутый населенный пункт, который имеет своеобразную организацию общественной жизни, отличную от окружающего его сельского мира, особыми занятиями жителей, а также формами социальной коммуникаций [4].

Как считает известный специалист в области городской ментальности Т. В. Семенова, провинциальность составляет существенное свойство ментальности, ибо она взаимодействует и «переваривает» особенности представлений граждан об их местожительстве в пространственно-временных координатах [30].

Типология малых городов также связана с их функционалом (промышленный, местный, агропромышленный центры). В зависимости от своего предназначения малый город формировал «свое лицо», которое проявлялось в социально-демографических процессах, культурном облике, наконец, в повседневной жизни его населения. В последние годы повседневные практики стали предметом научного изучения. В историографии сложилось представление о том, что история – это жизнь обычных людей, связанная с региональными, временными особенностями, формами проживания, досуга, культуры и т. д. Один из основоположников указанного направления в историографии М. Хайдеггер, определил повседневную жизнь как «публичное мироощущение», «незаметность» [35].

В результате проведенных исследований ученые сравнили социально-психологические потребности городов разной величины, типа, и установили, что в малом городе удачно сочетаются черты традиционного и городского образа жизни; жизнь в них течет замедленно и рефлексии на происходящие события и процессы меньше чувствуются.

История малых городов СССР, созданных за годы советской власти, представляет большой научный интерес. Россия – во многом страна малых городов, удельный вес которых составляет более 60% городских поселений страны. Но также очевидно, что малые города постепенно теряют свое население, прежде всего, его трудоспособную часть. За отсутствием рабочих мест наблюдается высокий уровень миграции как в более развитые промышленные центры региона, так и в крупные мегаполисы. По данным статистики за 2010– 2018 гг. население малых городов сократилось на 500 тыс. чел.

Примерно 2/3 населения современной России проживают в малых городах, имеющих разную инфраструктуру, культурный ландшафт, демографические показатели. Одни города получили новый импульс для удовлетворения возросших потребностей жителей, другие постепенно ветшают, градообразующие предприятия либо вообще ликвидированы, либо в разы сократили свои

обороты. Это привело к серьезному дисбалансу в экономике, рабочих кадрах и др. Перед правительством стоит задача вдохнуть жизнь в депрессивные города, сделать их среду максимально благоприятной для проживания. Исторический опыт развития советского малого города был бы полезен для возрождения провинциальных небольших городских поселений.

Проблемы малых городов находились в поле зрения федерального Центра: в 1996 и 2013 гг. сделано две попытки внедрения государственной программы поддержки. Но обе они так и не получили развития ввиду остановки финансирования. В феврале 2019 г. правительство РФ приняло «Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [23]. Эта программа перехода к системе стратегического планирования предполагает использование нового инструментария, в том числе, обращение к историческому опыту формирования и развития малых городов регионов.

В этом отношении большой интерес представляют малые города Северной Осетии, которые на протяжении XX в. переживали указанные процессы, создавали довольно многочисленный слой горожан, удельный вес которых ныне составляет более 60% населения республики. Объективное и глубокое изучение данного вопроса могло бы заполнить научные лакуны новейшей истории Северной Осетии периода 1930–1990-х гг., и сформировать картину непростых социальных процессов, протекавших в регионе в указанный период [2; 3; 15].

В 1930–1970-е гг. в СССР сложилась ситуация, когда городам отводилась роль попечительства над селами (шефство, разного рода квотирование и др.). Особенно это характерно для новых малых городов советского времени.

Новые города, возникшие в республике в советское время, образовались двумя путями: «вызреванием» из сельских поселений и созданием на «чистом месте», за счет миграций внутриреспубликанских и общесоюзных, и наконец, в результате естественного прироста. Всего к середине 1960-х гг. в Северо-Осетинской АССР возникло 11 новых городских поселений, которые свидетельствовали о высокой степени урбанизации [17].

Создание советских городов в регионах имело свою специфику, которая являлась следствием особенностей историко-географического характера, а также отраслевой специализации региона. Ученые выделяют ряд особенностей новых малых городов, связанные с экономическими, региональными и социокультурными характеристиками. Функционирование города полностью определялась народнохозяйственным профилем.

Приоритет города над деревней должен был в корне изменить традиционную психологию «новых» горожан, преобразовать ее в сугубо го-

родскую. Но параллельно с этим происходит изменение и городской ментальности, которая от традиционной формы неотвратимо переходит к инновационной [19]. Процесс довольно сложный и протяженный, рамках этого большого исторического периода можно отметить этапы, в рамках которых эти процессы имели свою специфику.

В 1950–1960-е гг. в Северной Осетии отмечается устойчивый рост городского населения. Появление городов и поселков городского типа на карте СО АССР не случайно. В первой половине 1960-х гг. правительство страны активно разрабатывало концепцию преобразования перспективных сел и деревень в города.

В 1930–1960-е гг. на территории Северо-Осетинской АССР разместились 5 малых городов – Моздок, Алагир, Ардон, Беслан и Диора.

Рассмотрим некоторые процессы, характерные для данных малых городских поселений.

Во-первых, исторические предпосылки возникновения.

Моздок – один из старейших городов на Северном Кавказе. Был образован как крепость в период освоения региона, статус города получил в 1785 г. Население города с самого начала было полигэтническим: первыми переселенцами стали волгско-хопперские казаки, участвовавшие в пугачевском восстании, со временем население пополнилось осетинами, армянами, грузинами и др. [6].

Появление г. Алагира связано с модернизацией экономики СССР в 20–30-х гг. XX в. В 1824 г. на карте Осетии появилось с. Салугардан. Позже на его основе возникло поселение Алагир, связанное с решением царского правительства построить на базе Садонских месторождений цветных металлов металлургический завод, а также контролировать перевальную Военно-Осетинскую дорогу. Алагирский плавильный завод был построен донецкими, уральскими и алтайскими горными рабочими. К 1853 г. в Алагире насчитывалось свыше 200 домов. В конце XIX в. в эту местность прибыла большая группа осетин, которые поселились в предместье Алагира. Затем в 1938 г. Алагир получил статус города [16, с. 57].

Беслан также имеет историю, уходящую корнями глубоко в историю. Он вырос из небольшого осетинского селения Тулатово (1847 г.), в связи со строительством Ростово-Владикавказской железной дороги поселение получило развитие, т. к. стало важным транспортным узлом. В 1950 г. с. Тулатово получило статус города и стало называться Беслан [16, с.60].

Два других города – Диора и Ардон – также выросли на месте прежних сельских поселений. В 1824 г. на берегу р. Ардон горцы-осетины основали с. Ардон, в 1837 г. вблизи него образовалась ст. Ардонская. Еженедельно в ст. Ардонской проходили сельскохозяйственные ярмарки, куда съезжались со всего Северного Кавказа,

привозя кустарные изделия, сельскохозяйственную продукцию. До войны в Ардоне были построены консервный и пеньковый заводы. Позже начали свою работу кукурузообрабатывающий, молочный заводы. Таким образом, Ардон специализировался на переработке сельскохозяйственной продукции.

В 1852 г. на левом берегу р. Урсдон был образован аул Вольно-Христиановский, переименованный в 1934 г. в с. Дигора. В Дигоре функционировали: хлебоприемный пункт, пищекомбинат, сахарный завод, завод лимонной кислоты [14]. Таким образом, Ардон и Дигора были ориентированы на переработку местного сельскохозяйственного сырья.

Визит Н. С. Хрущева в Северную Осетию в августе 1964 г. был посвящен 40-летию автономии республики. В ходе встреч глава государства обнародовал Указ Президиума ВС РСФСР о преобразовании Ардона (Ардонский р-н) и Дигоры (Дигорский р-н) в города районного подчинения [37, л. 14].

Вторая особенность – занимаемая площадь.

Площадь городского поселения Моздока составляет 17, 50 км²; Алагира – 27 км², Беслана – 23,2 км², Ардона – 23 км², Дигоры – 9,2 км². Занимаемая малыми городами площадь невелика, самым маленьким является г. Дигора, который уступает соседнему районному центру – с. Чикола – 16, 3 км².

Третья составляющая – факторы перевода сельских поселений в малые города. В советские годы возникновение городов и поселков городского типа (ПГТ) было связано с близостью к природным ископаемым, сельскохозяйственному производству, удобными транспортными путями, трудовыми ресурсами и т. д. Так, г. Алагир имел тесную привязку к разрабатываемым залежам полиметаллических руд и руд цветных металлов. Алагирский серебро-свинцовый завод еще в годы Крымской войны удовлетворял потребности русской армии в свинце, выдавая ежегодно военному ведомству около 600 тонн [36, л.7].

Активный процесс урбанизации проходил в годы индустриализации, когда массы населения хлынули в города, на предприятия, на всесоюзные стройки. Как указывают демографы, рост горожан обязан следующим факторам: приросту населения из разных источников, а также государственно-административным реформам.

В-четвертых, – приоритетные отрасли экономики, которые получили свое развитие в малых городах.

Появление городов и на карте СО АССР связано с политикой государства и приоритетами развития народного хозяйства страны. В первой половине 1960-х гг. правительство страны активно разрабатывало концепцию преобразования перспективных сел и деревень в города. Данная задача основывалась на программе интенсив-

ного индустриального строительства в сельской местности. При этом особенности сельского образа жизни и хозяйствования в расчет не принимались [33, с. 130]. Такая политика позволила рационально использовать материальные вложения, создавать и развивать город-райцентр, что в условиях так называемой мятниковой миграции было самым правильным выходом [34, с. 131]. Благодаря такой политике малые города активно участвовали в региональном разделении труда.

В малых городах и городских поселениях СО АССР развивалась промышленность, строились новые и совершенствовались имеющиеся заводы и фабрики, для работников которых возводились дома.

Например, благодаря развитию Бесланского маисового комбината можно говорить о том, что работники комбината имели больше преференций, нежели остальные малые города республики. При нем начал создаваться своего рода соцгородок, который включал объекты инфраструктуры и жизнеобеспечения, прежде всего, работников БМК [40, л. 36].

В г. Ардон за короткое время построена газо-раздаточная станция, которая обеспечивала газом не только население г. Орджоникидзе, но и Ардона.

Алагир с самого начала формировался как транспортная развязка для перевозки грузов из рабочих поселков (шахт, перерабатывающих предприятий) к флагману промышленности СО АССР – заводу «Электроцинк». Но наряду с этим градообразующими предприятиями были завод сопротивлений, лесзавод, хлебзавод. После завершения строительства Транскавказской магистрали Алагир стал важным транспортным узлом между Северным и Южным Кавказом [12].

Градообразующими предприятиями г. Моздока были гардинная фабрика, консервный завод, завод стройматериалов; остальные предприятия носили вспомогательный характер [39, л. 3]. По данным Роскомстата на территории г. Моздока функционировало до начала XXI в. 14 промышленных предприятий (в том числе Моздокская швейная фабрика, Моздокский кирпичный завод, мясокомбинат, консервный завод), но объем промышленного производства в целом сокращается, и, как следствие, люди теряют работу [5].

Основными промышленными предприятиями Дигоры были: гофрокоронная фабрика, меховая фабрика (работала на привозном сырье), завод лимонной кислоты (сырье получала из БМК), пищекомбинат, маслосырзавод, кирпичный завод.

Кроме малых городов на территории республики в 1950–1960-х гг. было создано несколько поселков городского типа (ПГТ), в основном сосредоточенные в Алагирском районе (Садон, Бурон, Верхний Згид, Холст, Мизур, Верхний Фиагдон) [2]. Горнорудная промышленность составляет одну из важнейших отраслей экономики Северной

Осетии. Кроме основной деятельности – добычи руды – предприятия этого кластера занимались доразведкой месторождений, транспортировали добытую руду на обогатительную фабрику, на которой извлекались цинк, свинец, медь.

Наконец, еще одна важная составляющая – население.

Во второй половине XX в. численность населения Моздока неуклонно увеличивалась. Так в 1959 г. зафиксировано 25,6 тыс. чел., в 1970 г. – 32,4 тыс., 1992 г. – 39,3 тыс., 1998 г. – 39,2 тыс. Удельный вес русского населения – 59,1%, осетин – 8,3 %, кумыков – 7,0 %, остальные исчисляются менее 5 % каждой национальностью. С 1954 г. Моздок отличался положительным сальдо миграции. Промышленные предприятия, построенные за годы советской власти, являлись притягательной силой как местных, так и иногородних рабочих. Так, в 1966 г. механический прирост составил 56 %, а начале 1970-х гг. – 65,7 %.

Трудовая структура населения Моздока отражает некоторые его особенности. Город отличается сравнительно высокой долей несамоиздательского населения – 55 %. Из самоиздательского населения к градообразующей группе относится 28 %, градообслуживающей – 17 %. Это позволяет утверждать, что в городе отсутствуют крупные промышленные предприятия, способные использовать имеющийся резерв рабочеактивного населения[5].

Во второй половине 1980-х гг. в связи с нестабильной советской экономической ситуацией происходило сокращение численности местного населения, его естественная убыль. Высокие цифры прироста сохранялись за счет активной миграции из сопредельных районов Чечни, Ингушетии. Однако миграционные потоки за последние десятилетия были разной наполняемости: в начале 1990-х гг. в Моздок перебирались на место жительства не менее 1000 чел.

В начале XXI в. – не более 500 чел. ежегодно, при этом отток в полтора раза превосходил эти цифры. Во многом данная тенденция сохранилась и сейчас, т. к. в демографической картине 52 % населения – это трудоспособные граждане, из них – 13,4 тыс. мужчин, значительная часть которых не имеет постоянного заработка.

Демографическая картина г. Алагир на конец 1980-х гг. выглядит следующим образом: всего населения – 21,0 тыс. чел., трудоспособного населения – 12,2 тыс., не занятого в производстве – 1,7 тыс., занятое в общественном производстве – 10,5 тыс. В 2019 г. ситуация резко меняется: всего населения 19,4 тыс. чел., трудоспособного – 9,6 тыс. чел. [38, л.10]. Прибывающее население занято в непроизводственной сфере (торговля, бытовое обслуживание). Аналитики прогнозируют, что миграция уменьшается, что в будущем будет уменьшаться демографический потенциал [15, с. 82].

Дигора – самый маленький город республики, население составляет 10,9 тыс. чел. Механический прирост постоянно колеблется от отрицательных до высоких приростов. Национальный состав сравнительно однородный, представлен на 90 % осетинами. В промышленности к началу 1990-х гг. было занято не более 30% населения [38, л. 16].

Ардон – один из молодых городов республики. В 1989 г. он занимал пятое место по численности населения среди городов Осетии. Общая численность трудоспособного населения составляла немногим более 7 тыс. чел, из которых 6,9 тыс. были заняты в общественном производстве[28]. Сфера приложения труда в городе долгие годы была разнообразной. 60 % населения составляли рабочие и их семьи.

Подавляющая часть населения рабочих поселков – это специалисты в области разработки залежей цветных и полиметаллических залежей. В процесс миграции, и прежде всего, урбанизации включилось местное сельское население из трудоизбыточных районов республики. Основная причина переезда в городские поселения, - бо́льшие заработки, благоустроенное жилье, культурный досуг и лучшее снабжение. Кроме того, планировавшееся размещение промышленного производства на территории Северной Осетии осуществлялось с таким расчетом, чтобы прививать навыки индустриального труда сельскому населению. Однако процесс носил долгий характер. Материалы переписи 1959 г. дают представление о кадровом составе рабочих горнорудной промышленности Северной Осетии: из общего количества горняков на долю осетин приходилось примерно 27 % [22, с. 7].

Немало рабочих и ИТР прибывало в малые города и рабочие поселки из других регионов страны. Часть их находилась в долгосрочной командировке, восполняя недостаток квалифицированных кадров, другие же в поисках лучшей материальной выгоды оставались в Осетии на долгие годы (так называемая безвозвратная миграция). Мигранты обладали более высокой квалификацией по сравнению с коренным населением, которая давала некоторые преференции. Причем такая ситуация характерна для всех республик Северного Кавказа. При этом следует отметить, что заметна дифференциация темпов роста численности населения городских поселений разных типов. Так, горные поселки городского типа (Садон, Мизур) прибавили в 1950–1960-е гг. примерно 65 % населения, а малые города – 50 % [11].

Указанный период был своего рода ренессансом в жизни малых городов, т.к. налицо довольно быстрый рост численности городского населения, благоустройство городской среды и проч. Самое выгодное экономико-географическое положение имел г. Алагир и ПГТ. Более широкая сфера приложения труда, возможность получения высоких

заработков (для шахтеров и проходчиков), хорошее обеспечение и развивающаяся инфраструктура стали притягательной силой не только местных сельских жителей, но и большого количества приезжих.

Как известно, в конце 1940-х гг. в стране вновь был взят курс на проведение оргнабора рабочих на предприятия. В шахты Осетии было направлено около 2 тыс. квалифицированных рабочих, которые в разное время трудились в промышленности республики. Статистические источники позволяют оценивать механический прирост населения в Северной Осетии в 35 тыс. чел.

Однако в следующие 10 лет ситуация резко меняется, что связано с застойными явлениями в экономике малых городов и ПГТ в благоустройстве, развитии инфраструктуры, недостаточной сферой приложения труда. Сложившаяся в Алагирском районе групповая система поселков городского типа в настоящее время находится в упадке: многие ПГТ ликвидированы, население частично переселено в районный центр или в г. Владикавказ. Среди ПГТ выделяется п. Мизур, который является центром для сообщества горных поселков Алагирского района.

В конце 1960-х гг. наблюдаются серьезные проблемы в добыче полиметаллических руд, происходит их истощение, и, как результат, происходит сокращение численности городского населения в два раза. Регион перестал быть притягательным. Число прибывших в поселения республики в 1970-х гг. оценивается в 266 тыс. чел., а выбывших – в 283 тыс. чел. В этот период городское население отличалось малой миграционной подвижностью. Для многих стало выгодно работать в столице Северной Осетии, жить в малом городе, либо вообще переехать поближе к предприятию или учреждению.

Лишь к концу 1970-х гг. удельный вес работников составил 60 %. Для выравнивания профессионального уровня в Северной Осетии была создана система профессионально-технического обучения молодежи. Например, в 1960 г. из средних специальных учебных заведений республики было выпущено по отраслевым группам (промышленность и строительство) 664, в 1970 г. – 1158, в 1975 г. – 1097, в 1970 – 1335 чел. [27, с.110]. Примерно 60 % поступающих в средние специальные учебные заведения – это дети из сельской местности. Полученное образование делало их конкурентно-способными на рынке труда и давало возможность изменить свой социальный статус [20, с. 114]. Все выпускники получили распределение на местные предприятия.

В конце 1980-х гг. численность населения в поселках городского типа существенно сократилась ввиду «перестроечных реформ» и падения социально-экономического уровня. Так, в поселке В. Зgid к концу 1980-х гг. численность населения

упала в 4 раза, В. Фиагдон – в 4,5 раз, Холст – в 3 раза. Такому оттоку населения способствовало и то, что происходило истощение запасов полиметаллических руд, тяжелое состояние горнодобывающей промышленности.

Так, в Ардоне было 12 крупных предприятий, среди которых кукурузо-обрабатывающий комбинат, пенькозавод, масло-сырзавод, консервный завод и др. Численность работников этих предприятий составила свыше 1000 чел. Благодаря развитию БМК можно говорить о том, что работники комбината имели больше преференций, нежели остальные малые города республики. При нем начал создаваться своего рода соцгородок, который включал объекты инфраструктуры и жизнеобеспечения, прежде всего, работников БМК [24].

Влияние крестьянского менталитета во всех малых городах республики было заметно. Преображение сельского населения в городское проходило достаточно тяжело и медленно. Урбанизация вызвала новые формы повседневной жизни, новые поведенческие особенности. Жители новых городов становятся горожанами в первом поколении. Такая быстрая метаморфоза приводит к тому, что эти люди в силу ряда обстоятельств, медленно теряют многие элементы сельского жительства, но пока не прививают городские привычки и правила жизни. По этой причине происходит маргинализация первого поколения горожан. Эту ситуацию емко охарактеризовал Е. Стариков: «Классическая фигура маргинала – человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена» [32, с. 133]. Такая неустойчивость приводила к тому, что все социальные связи рвались, утрачивались, делая вчерашнего сельского труженика включенным в совершенно чуждые, неизвестные ему отношения, лишая его привычных социальных и духовных связей. Исследователь А. Пыжиков дает этому процессу следующее обоснование: система удержания сельских жителей в прежних рамках была связана не с запретом миграций, а с государственным их регулированием, сочетанием с потребностями экономической политики в определенный период времени [26, с. 265].

Кроме этого миграционная политика середины XX в. приводила к социальной размытости и неопределенности населения, т. к. в это время абсолютное большинство жителей малых городов родились в селе, тяготели к сельскому быту, имели небольшие приусадебные участки, нередко держали живность.

Даже те, кто родился уже в городах, во многом несли на себе издержки жизни родителей, их традиционного менталитета, хотя адаптация их проходила более активно. Их дети, а потом и внуки, преодолели «болезни адаптации» к город-

ской среде и стали уже в большей степени городскими жителями, переняв культурные вариации, поведение и образ жизни у населения крупных городов. Принимая во внимание возможности телекоммуникации, частые выезды за пределы своих городков, общение со сверстниками и т. д., это сделать стало гораздо легче и быстрее.

Таким образом, малый город – это поле повседневности, которое надо изучать с помощью такой категории как городская ментальность, т.к. это дает возможность реконструировать коммуникативные действия, которые основаны на общей системы ценностей.

Определенная провинциальность малого города дает представление об уровне общего развития, который прослеживается в пространственно-временных характеристиках городской

ментальности. Уровень провинциальности во многом зависит от размеров города, а также качественных характеристик.

Ментальность жителей малых городов связана как с пространством города, так и качествами группового сознания, каждое из которых придает городу и горожанам свои детерминанты.

Обретение нового статуса давало возможность горожанам рассчитывать на право проживания и перспективы роста инфраструктуры. В то же время преобразование населенных пунктов и то, как это реализуется, свидетельствовало о полном пренебрежении традиционными принципами сельской поселенческой практики, что, несомненно, стало одной из причин последующей деградации малых городов.

Список источников и литературы

1. Акопов Г. В. Проблема сознания в отечественной психологии: унитарный и междисциплинарный подходы // Акопов Г. В. Российское сознание. Историко-психологические очерки. Самара: СНЦ РАН, 2002. С. 64–76.
2. Бадов А. Д. Формирование, развитие и функционирование расселения в Северной Осетии. Владикавказ: СОГУ, 1993. 194 с.
3. Бадов А. Д., Тавасиев В. Х. Социально-демографические проблемы Северной Осетии. Владикавказ, 1998. 137 с.
4. Бушмаков А. В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 26 с.
5. Генеральный план Моздокского городского поселения Моздокского муниципального района РСО-Алания Материалы по обоснованию. Том 1. Современное положение. URL: <http://mozdok-osetia.ru/> (дата обращения 29.09.2021)
6. Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ: Изд.-полигр. предприятие им. В. А. Гассиева, 1995. 212 с.
7. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., Индрик, 1993. 432 с.
8. Давыдкина (Перфильева) Л. В. Психологическое районирование городского пространства (на примере жителей г. Самары): автореф. дисс. ...канд. психол. наук. Курск, 2013. 26 с.
9. Дёмин Н. М., Арзили А. Ю. Исследование ментальности городской среды // Scientific Journal «ScienceRise». 2018. №3(44). С. 6–10.
10. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 1. С. 196–213.
11. Заря. 2004. 21 сентября.
12. Заря. 2010. 16 февраля.
13. Иванова Т. В. Социально-психологические проблемы городской ментальности: автореф. дисс. ... докт. психолог. наук. Самара, 2013. 52 с.
14. История города Дигоры. Владикавказ: Ир, 1992. 106 с.
15. Каберты Н. Г., Гуриева Л. К., Бегиева А. Ш. Демографическая ситуация в Северной Осетии: факторы, прогнозы и механизмы регулирования. Владикавказ: СОГУ, 2017. 215 с.
16. Калоев Г. Ф. Малые города Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 1992. 118 с.
17. Калоев Г. Ф. Новые города на карте СОАССР. Учебное пособие. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. 37 с.
18. Круусвал Ю., Хейдметс М., Нийт Т. Социально-психологические исследования жилой среды // Социологические исследования проблем города и жилища. Новосибирск: Наука, 1986. С. 164–170.
19. Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Городская ментальность в пространстве культуры: социо- и лингвокультурный аспекты; исследование ментальности городской среды. // Вестник АГУ. 2019. Вып. 4 (249). С. 181–188.
20. Культурное строительство в Северной Осетии. 1917–1977. Т.2. 1941–1977. Орджоникидзе: Ир, 1983. 272 с.
21. Линч К. Образ города. / Пер. с англ. В. Глазычева. /Под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
22. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1958. 94 с.
23. Общественный совет при Минэкономразвития России. URL: <http://os.economy.gov.ru/web/guest/about> (дата обращения 28.08.2021)
24. Под знаменем коммунизма, 1964–1975.
25. Психология большого города. // Известия Самарского Научного Центра РАН. Спецвыпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук» / под ред. О. М. Буранка и др. Самара, 2002. С. 138–159.
26. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 509 с.
27. Северная Осетия за 60 лет автономии. Статистический сборник. Орджоникидзе: Ир, 1984. 115 с.
28. Северная Осетия. 2002. 6 августа.
29. Семенова Т. В. Городская ментальность: социально психологическое исследование. Издание 2-е, дополненное и исправленное. Самара, ООО «Порто-принт», 2020. 250 с.
30. Семенова Т. В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: дисс. ... докт. психолог. наук. Самара, 2007. 271 с.

31. Средовые условия развития социальных общностей / под ред. Т. Нийта, М. Раудсеппа, М. Хейдметса. Таллинн: Изд-во пед. ин-та им. Э. Вильде, 1989. 194 с.
32. Старики Е. Маргиналы или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. №10. С. 133–160.
33. Сушко М. Ю. Возникновение и развитие рабочих поселков в Саратовской области в 1950 – 1970 годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. №1 (35). С. 129–133.
34. Урбанизация и развитие городов в СССР. Л.: Наука, 1985. 256 с.
35. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
36. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН (далее – НА СОИГСИ). Ф.7. Папка 22. Д. 2
37. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 53. Оп. 2. Д. 52. Л. 1.
38. ЦГА РСО-А. ФР. 384. Оп. 7. Д. 29. Л. 14
39. ЦГА РСО-А. ФР. 384. Оп. 9. Д. 26. Л. 10
40. ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп.1. Д. 22. Л. 3
41. ЦГА РСО-А. ФР. 558. Оп.1. Д. 1. Л. 36

References

1. Akopov G. V. Problema soznaniya v otechestvennoj psihologii: unitarnyj i mezhdisciplinarnyj podhody (The problem of consciousness in Russian psychology: unitary and interdisciplinary approaches) // Akopov G.V. Rossijskoe soznanie. Istoriko-psihologicheskie ocherki. Samara, 2002. P. 64–76. (In Russian).
2. Badov A. D. Formirovanie, razvitiye i funkcionirovanie rasseleniya v Severnoj Osetii (Formation, development and functioning of settlement in North Ossetia) Vladikavkaz: SOSU publ., 1993. 194 p. (In Russian).
3. Badov A. D., Tavasiev V. H. Social'no-demograficheskie problemy Severnoj Osetii (Socio-demographic problems of North Ossetia). Vladikavkaz, 1998. 137 p. (In Russian).
4. Bushmakov A. V. Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossijskoj provincii v konce XIX – nachale XX veka: abstract of thesis (Changes in the mentality of the urban population of the Russian province in the late XIX – early XX century). Perm', 2006. 26 p. (In Russian).
5. General'nyj plan Mozdokskogo gorodskogo poseledeniya Mozdokskogo municipal'nogo rajona RSO-Alaniya Materialy po obosnovaniyu. Vol 1. Sovremennoe polozhenie (The general plan of the Mozdok urban settlement of the Mozdok municipal district of RSO-Alania Materials for justification. The current situation) URL: <http://mozdok-osetia.ru/> (Accessed: 29.09.2021). (In Russian).
6. Gorod Mozdok: Istoricheskij ocherk. (The city of Mozdok: A historical sketch). Vladikavkaz, 1995. 212 p. (In Russian).
7. Gurevich A. YA. Istoricheskij sintez i shkola «Annalov» (Historical synthesis and the school of «Annals»). Moskow: Indrik, 1993. 432 p. (In Russian).
8. Davydchina (Perfil'eva) L. V. Psichologicheskoe rajonirovanie gorodskogo prostranstva (na primere zhitelej g. Samary): abstract of thesis (Psychological zoning of urban space (on the example of residents of Samara): Autoref. diss. ...cand. psychological sciences). Kursk, 2013. 26 p. (In Russian).
9. Dyomin N. M., Arzili A. Yu. Issledovanie mental'nosti gorodskoj sredy (Study of the mentality of the urban environment). // Scientific Journal «ScienceRise». 2018. No.3 (44). P. 6–10. (In Russian).
10. Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L. Gorod kak ob'ekt issledovaniya v social'noj psihologii: k istorii voprosa. (The city as an object of research in social psychology: to the history of the issue). // Social and economic psychology. 2016. Volume 1. No. 1. P. 196–213. (In Russian).
11. Zarya. 2004. September 21. (In Russian).
12. Zarya. 2010. February 16. (In Russian).
13. Ivanova T. V. Social'no-psichologicheskie problemy gorodskoj mental'nosti: abstract of thesis (Socio-psychological problems of urban). Samara, 2013. 52 p. (In Russian).
14. Istorya goroda Digory (The history of the city of Digory). Vladikavkaz: Ir, 1992. 106 p. (In Russian).
15. Kaberty N. G., Gurieva L. K., Begieva A. SH. Demograficheskaya situaciya v Severnoj Osetii: faktory, prognozy i mekhanizmy regulirovaniya (Demographic situation in North Ossetia: factors, forecasts and regulatory mechanisms). Vladikavkaz: SOSU publ., 2017. 215 p. (In Russian).
16. Kaloev G. F. Malye goroda Severnoj Osetii (Small towns of North Ossetia). Vladikavkaz: Ir, 1992. 118 p. (In Russian).
17. Kaloev G. F. Novye goroda na karte SOASSR. Uchebnoe posobie. (New cities on the map of SOASSR. Study guide). Ordzhonikidze: RIO SOGU, 1986. 37 p. (In Russian).
18. Kruusvall YU., Hejdmet M., Nijt T. Social'no-psihologicheskie issledovaniya zhiloj sredy. //Sociologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha. (Socio-psychological studies of the residential environment). // Sociological studies of the problems of the city and housing. Novosibirsk: Nauka, 1986. P. 164–170. (In Russian).
19. Kuznecova A. V., Petrulevich I. A. Gorodskaya mental'nost' v prostranstve kul'tury: socio- i lingvokul'turnyj aspekty; issledovanie mental'nosti gorodskoj sredy. (Urban mentality in the space of culture: socio- and linguocultural aspects; study of the mentality of the urban environment) // Bulletin of ASU. 2019. Issue 4 (249). P. 181–188. (In Russian).
20. Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoj Osetii. 1917–1977. T. 2. 1941–1977. (Cultural construction in North Ossetia). Ordzhonikidze: Ir, 1983. 272 p. (In Russian).
21. Linch K. Obraz goroda. /Per. s angl. V. Glazycheva. /Pod red. A.V. Ikonnikova. (The image of the city. / Translated from the English by V. Glazychev). Moskow: Strojizdat, 1982. 328 p. (In Russian).
22. Narodnoe hozyajstvo Severo-Osetinskoy ASSR. Statisticheskij sbornik. (National economy of the North Ossetian ASSR. Statistical collection). Ordzhonikidze, 1958. 94 p. (In Russian).
23. Obshchestvennyj sovet pri Minekonomrazvitiya Rossii. (Public Council under the Ministry of Economic Development of Russia). // URL: <http://os.economy.gov.ru/web/guest/about> (Accessed 28.08.2021). (In Russian).

24. Pod znamenem kommunizma, 1964 – 1975. (In Russian).
25. Psihologiya bol'shogo goroda. (Psychology of the big city). //News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special issue «Actual problems of the humanities» / ed. by O.M. Buranka et al. Samara, 2002. P. 138–159. (In Russian).
26. Pyzhikov A. V. Hrushchevskaya «ottepel» (Khrushchev's «thaw»). Moscow: OLMA-PRESS, 2002. 509 p. (In Russian).
27. Severnaya Osetiya za 60 let avtonomii. Statisticheskij sbornik. (North Ossetia for 60 years of autonomy. Statistical collection). Ordzhonikidze: Ir. 1984. 115 p. (In Russian).
28. Severnaya Osetiya, (North Ossetia). 2002. August 6. (In Russian).
29. Semenova T. V. Gorodskaya mental'nost': social'no psihologicheskoe issledovanie. Izdanie 2-e, dopolnennoe i ispravленное. (Urban mentality: a socio-psychological study. 2nd edition, supplemented and corrected). Samara, OOO «Porto-print», 2020. 250 p. (In Russian).
30. Semenova T. V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty social'no-psihologicheskogo issledovaniya gorodskoj mental'nosti: thesis (Theoretical and applied aspects of socio-psychological research of urban mentality). Samara, 2007. 271 p. (In Russian).
31. Sredovye usloviya razvitiya social'nyh obshchnostej (Environmental conditions for the development of social communities) / ed by T. Neit, M. Raudsepp, M. Heidmets. Tallinn: Publishing House of E. Vilde Pedagogical Institute, 1989. 194 p. (In Russian).
32. Starikov E. Marginaly ili razmyshleniya na staruyu temu: «CHto s nami proiskhodit?». (Marginals or reflections on the old topic: «What is happening to us?») // Banner. 1989. No. 10. P. 133–160. (In Russian).
33. Sushko M. YU. Voznikovenie i razvitiye rabochih poselkov v Saratovskoj oblasti v 1950 – 1970 gody (The emergence and development of workers' settlements in the Saratov region in the 1950-1970 years) // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2011. No. 1 (35). P. 129–133. (In Russian).
34. Urbanizaciya i razvitiye gorodov v SSSR. (Urbanization and urban development in the USSR) Leningrad: Nauka, 1985. 256 p. (In Russian).
35. Hajdeger M. Bytie i vremya /Per. s nem. V. V. Bibihina. (Being and time / Translated from German by V. V. Bibikhina). Har'kov: «Folio», 2003. 503 p. (In Russian).
36. Nauchnyj arhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij VNC RAN. (Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of the VNC RAS). F.7. Folder 22. D. 2.
37. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (CGA RSO-A). (Central state archive of the Republic of North Ossetia Alania (hereinafter TSGA RSO-A). F. 53. Op. 2. D. 52. L. 1.
38. CGA RSO-A. FR. 384. Op. 7. D. 29. L. 14.
39. CGA RSO-A. FR. 384. Op. 9. D. 26. L. 10.
40. CGA RSO-A. FR. 509. Op.1. D. 22. L. 3.
41. CGA RSO-A. FR. 558. Op.1. D. 1. L. 36.

Сведения об авторах

Хубурова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова; e-mail: hubul@yandex.ru

Хубурова Эда Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиала ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ); e-mail: dudieva@mail.ru

Information about the authors

Khubulova Svetlana A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, North Ossetian State University; e-mail: hubul@yandex.ru

Khubulova Eda V. – PhD in History, Senior Researcher, North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies named after V.I. Abayev, a branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: dudieva@mail.ru